

Вечер с Сократом

СОВЕТСКИЙ РОССЕТ
Г. МОСКВА

31 АВГ 1984

— Армен Борисович, я смотрела юбилейный 200-й спектакль «Беседы с Сократом», и у меня было ощущение премьеры — в атмосфере зрительного зала, в толпе у входа, где спрашивали билеты. И вы, как мне показалось, волновались, будто играете премьеру. А ведь этот спектакль идет уже десятый год! В чем причина такого долгожительства?

— На этот вопрос тяжело отвечать, особенно мне. Я заметил, что вообще трудно говорить о вещах, которые любишь. А я очень люблю этот спектакль. Я люблю эту пьесу, я люблю этот вечер, когда есть возможность выйти от имени Сократа и через Сократа сказать публике что-то очень серьезное, очень важное... Поразительная жизнь — эти три часа, когда играешь «Сократа».

И хотя спектакль идет уже десятый год, для меня он — живой, для меня это не спектакль в обычном понимании этого слова. Замечательная встреча Эдварда Радзинского и Андрея Гончарова дала мне, да и всем участникам спектакля, редкую возможность внутренней импровизации. Я прожил в театре уже долгую жизнь и понимаю, что вот это и есть большая режиссура и большая драматургия. У нас есть два таких спектакля-долгожителя. Это «Трамвай «Желание» Теннесси Уильямса, который мы играем уже четырнадцать лет, и «Сократ». Рядом большое количество в общем и неплохих пьес, и хороших спектаклей умерло, а эти, мудрые, живут, потому что в них есть возможность внутренней актерской импровизации и есть возможность сказать зрителю о существенном.

Вообще спектакль сегодня совсем другой, чем был девять лет назад. И не казните за нескромность, но думаю, что стал он лучше, умнее. И потому что мы поселили и принесли туда свои прожитые годы. Мы перестали играть спектакль, мы стали жить в нем.

— Когда ваш Сократ говорил свои монологи — было ощущение, что он придумывает их тут же.

— Вы говорите мне такие слова, которые, наверное, каждый актер был бы рад услышать. Но я думаю, что вся тайна, вся магия заключена в том, о чем я уже говорил: это раскрепощенный спектакль, со свободой внутренней импровизации. И этим он вечен. Да, конечно, прежде всего — прекрасный текст, прежде всего — мысль. Но мысль есть и в лекторском искусстве. Театр же способен на чудо. Чудо возникновения явленной, порой биологически ошутимой связи с залом. Может быть, это и впрямь биотоки. Но когда это происходит — тогда и возникает у зрителя чувство, что он видит истинную жизнь на сцене.

— Роль Сократа — это, должно быть, огромная ответственность? Сыграть человека, который на протяжении тысячелетий был символом философии. Как вы готовитесь к этому спектаклю?

— Не могу сказать, что есть какие-то определенные рецепты, что, к примеру, занимаюсь гантельной гимнастикой. Жизнь есть жизнь, есть репетиции, есть другие спектакли. Иногда бываешь усталый, нет какой-то внутренней свободы, и думаешь — хорошо бы «Сократа» отменили. Потому что знаю — он тяжелый для меня. Я без сил после него.

Знаете, в нашем деле есть такая страшная вещь — инерция. Иногда ее называют «штамп». Еще Станиславский говорил, что актер ленив. Вот, допустим, ты нашел интонацию, зритель ее принимает — и хорошо! В нашем «Сократе» от подобного штампа смерть спектакля наступает мгновенно. Я сам часто слышу, как только начинаю играть, свои дурные театральные интонации и понимаю: все! конец! Нет, здесь необходимо себя растрезвечить. При такой драматургии актер иначе играть права не имеет. В этих пьесах нужно прожить жизнь на сцене!

— Что для вас главное, что вы хотите донести до зрителя, что такое сегодня философская пьеса?

— Знаете, когда мы еще только репетировали «Сократа», одна журналистка сказала мне: «Интеллектуальная пьеса». Для меня это стало самым страшным словом применительно к «Сократу». Я хотел, чтобы у нас был площадной, фантастический спектакль! Я рад, что так получилось (во всяком случае я думаю, что так получилось). И понятия «философская пьеса» для меня тоже нет. Для меня есть жизненная пьеса.

Один зритель, который видел «Сократа» еще при выпуске, через несколько лет посмотрел его снова и сказал мне: «Странно, но из спектакля ушла благородная элитарность, которая была в пьесе». Он говорил об этом как о явлении негата-

тивном. Я же это расцениваю как похвалу. Значит, мы стали ближе к жизни, которая много грубее, чем произведение искусства о ней. Я думаю, что подлинный Театр велик именно глубинным постижением жизни, ее мы должны представить зрительному залу. В театре нужно проникать в сердце и еще глубже. Театр должен вносить священное беспокойство в душу. Театр — это внутривенный укол!

Что такое Сократ? Человек, который живет, как мыслит. Это трудно. И Сократ, который пошел в своих убеждениях до конца, который через свою смерть стал бессмертным. Пафос нашего спектакля: надо пытаться жить, как Сократ. Твоя жизненная позиция должна стать способом жизни!

— Кстати, московские зрители уже два года ждут в вашем театре премьеру «Нерона». А ее все нет! Помогает ли такой длительный процесс работе над ролью?

— Что делать, это такие пьесы! В них актеры должны созреть. А на это нужно иногда много времени. «Сократа», например, мы репетировали три года. И «Нерона» — уже третий год. Это труд. Потому что, повторяю, это очень серьезные пьесы, в них важно докопаться до сути. Парадокс, лежащий в основе «Театра времен Нерона и Сенеки», к сожалению, современен. А именно: каким образом величайший моралист древности Сенека смог воспитать величайшего убийцу Нерона? Как этот удивительный гуманист, создавший прекрасные изречения о человеческой морали, мог сосуществовать с величайшим убийцей всех времен? Что такое конформизм? И так далее.

Роль Нерона очень трудна. Должен быть найден внутренний стержень этого человека. У нас есть стереотип восприятия Нерона: в нашем сознании сложился некий нарицательный образ тирана, деспота, кровавого поэта. Это мешает. Я убежден — Нерон — он стал Нероном, и в этом становлении приняло участие все беспринципное общество того времени.

— Мне думается, что для «Нерона» будет очень важен ваш «Сократ».

— Безусловно. Ведь это диалогия. Жизнь Сократа — светлый урок всем живущим на земле. Биография Нерона — тоже урок, но горький и страшный. Эти исторические фигуры равно важны для нас тем, что помогают разобраться в дне прошлом, задуматься о будущем. Тема «Сократа» должна еще яснее звучать в новом спектакле. Чтобы сидящие в зале задумались о своей ответственности, об опыте человечества, об уроках, которые преподносит история.

— А что вам дал Сократ? Не как актеру, а как человеку?

— Много. Очень много. Поразителен этот способ жить. Подумайте, Сократ сумел избавиться от всего, что для многих еще составляет смысл жизни: деньги, положение, карьера. А это очень непросто. Он начисто выключил из своего жизненного «меню» производить впечатление. А ведь этим живут многие — мы для этого одеваемся, причисываемся. Для меня Сократ — самая гармоничная личность. Он как природа. Недаром Сократ был любимым философом Карла Маркса.

И еще я тоскую о морали, которую предлагает Сократ. А ведь предлагает он очень простые вещи — просто быть логичным, просто думать, просто не бежать за толпой по эскалатору.

— «Сократ» — спектакль как бы антиразвлекательный, но зрительный зал всегда переполнен. Есть ли в этом какой-то урок? Исследуем, как говорит Сократ.

— Я недавно где-то прочел хорошую фразу о Габриэле Маркесе — «чтение Маркеса требует совершенно особого читательского напряжения». Я думаю, что восприятие таких спектаклей, как «Сократ», также требует особого зрительского труда. Зрительской культуры, готовности. Успех «Сократа» — подтверждение, что такой зритель у нас есть.

Театр должен постоянно думать о том, чтобы угадать и затронуть те аспекты жизни, которые особенно волнуют зал. Современному только подлинное и живое искусство. Я вспоминаю слова Герцена: «Если в партере нету мыслей, которые вы собираетесь выразить своим спектаклем, если нету их в зрительном зале, то сколько бы вы ни старались, ничего из этого не произойдет, надо опрокинуть чашу соответствия тому, что существует и живет в вопросах и требованиях зрительного зала».

Беседу вела
Мария ДЕМЕНТЬЕВА.